

... так-то и есть:

быль – трава, нёбыль – вода: одно от другого питается: в таком вот ценёзе посеvy истории явлены...

... схожим образом вёдомо нам и о бывшем на Вишере, кое случилось в августе года шестнадцатого в бесславном пока ещё XXI веке...

... иные ж о том говорили кручинно, – те, кому о постылом поведать – и в радость, и прибыльно также: «...Оделись печалью, тоскою окутались брегá вишерские – крутояры косматые да отлогие пляжи, скальные гряды да пóймы грйвистые...

... а почерневшие вóды внесли на поверхность живность всякую – в перемес со шматáми да нитями тины...»

... другие не то чтобы с пафосом пенным, да всё ж с упоением так излагали:

«... Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне...»

Встреча на Вишере. Интродукция

Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне!

Да не так, чтобы всюду:

склоны – хвóями-крóнами пышные, бóристые, – шелестели себе нежным шелестом, кротким плеском ручьёв меж собою журйлись, гомозйлись жизнью пташей всеместно...

А на тот лишь отрог на тулымский тишь приспела, что подзóром стоит: к стороне закатной, западной.

Но и там – на отроге – не кряду везде молчбóю укрылось: лишь в верхах, – тó не на всех:

на той, на одной лишь его верхотуре, холодами битой, ветрами бритой, – где скальный венец, от которого низом – крутйзны рвутся к реке: к вóдам вишерским, что текут величаво: себе одно вёдомой нáдобой, да влекут тем же пóводом рыбные рúны...

Там только краткая тишь воцарилась.

И там, на остáнце гранитном – ей и приятном, ей и любезном, – Рысь возлегла: чинно, вальяжно... да следила закат, да ждала своего... думы думила:

... вроде, и так же всё было, как вечерами иными: вчера, и вчера для вчера, и в те вечера, что забыты –

всё так, да не так! – хоть и так же Светило катило, да так же и скатывало за окоём: туда, где лезвийный предел отсекает Голову Света...

... но здесь: прыжком ниже гранитной плиты, приятной для Рыси, остáнец венчающей, – здесь в недавне ещё под красными мхами спали курúмы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву, где гинули свалом или изредкóю штукою...

... и в миг: ни мхов, ни курúмов: одна скальность исподняя... да стойкóм из неё, из голой скалы – дерево гнусное: гунявое сплошь, всё извóистое... к тому ж и дуплястое..., знать, и нёжитное: заблудйло в явь к нам от скуки... или по нáждобе злой... здесь и корни пустило...

... а на корявой да лысой вётви его – Попугай иноземный, кархадский: дúлей застыл самобытною – всем да всему явленным кукишем!..

... и ещё вот незвáнец-неждáнец приблудный образовался: за рысей спиною, невдале – Облак надменный, о себя возомнивший, – улёгся бесстыжим на гребне Тулыма...

В том-то местечке – разом недолгим – водворилось безмолвие:

даже ветры вершинные о чём-то задумались – тихнули: в паузе затаились...

шорох всякий изник, шелест смолк, и шумы разноцветные позабылись-избылись:

будь то “розовый шум” – мерцательный, сердцу приставший, и “коричневый” – шум водопадов далёких, или “красный” – “шум пьяной ходьбы” и случайных блужданий, да морей-океанов, и “оранжевый” – “шум апельсиновый” – свистопляской с дудками явленный, Кабанихе же: любый, и “зелёный” – шум жизни привычной, обыденной, и “белый” – шум шумов! – коим бесцельно Мир всеволновый звучит непрестанно... – тишину вот такую мудрецы нарекли “чёрным шумом”, мы же скажем – мólчная дйвледь!..

Да коротко длилось-то: миг один... час... Может, и не было вовсе: восторгу почудилось...

Мólчбище, воцарившее вслед её речам неумильным к Попугаю незваному, Рысь сама и порушила: толковище затеяла, густо прокашлявшись да зевнув основательно... вроде – приветливо.

— Что нёмствуем? Говори уж, коль сам пожаловал... Не в обычаях наших – на сходбищах мólчивать.

Попугай разул глаз – один только, до того ж оба были под вéками: бо смотреть бóязно! – прочистил да увлажнил роговицу мигательной перепонкою, аккомодйровал зрак – фокус навёл: где Рысь, объявил:

— У Попугая мысль образовалась... Он её теперь думает!

— Сильно сказал!

— А то!..

— Дóбре... Что за мысль?

Пúпа неспешно и назидательно подъял перст к Верхам да рёк с расстановкой, веско отбивая цезурой каждую речевую фигуру:

— Как у вас тут тускло, пасмурно, и запах какой-то... нецивилизованный...